Избирая проповедников для церквей Реформации, Господь следовал тому же плану, что и при основании церкви. Небесный Учитель прошел мимо великих мира сего, знатных и богатых людей, которые привыкли к почету и лести. Упоенные своим высоким положением и превосходством, они никогда не смогли бы понять нужд простого народа и стать соработниками кроткого Мужа из Назарета. И слова: "Идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков" (Мф. 4:19) были обращены к неученым галилейским рыбакам. Это были простые и любознательные люди. Чем меньше их затрагивали лжеучения того времени, тем успешнее мог Христос приготовить их для Своего служения. Так было и во дни великой Реформации. Во главе ее стояли честные люди, не зараженные честолюбием и гордыней, свободные от фанатизма и церковных интриг. Божий план состоит в том, чтобы всегда использовать простых людей для великого дела. В таком случае слава и успех приписываются не человеку, а Тому, Кто действует через него, чтобы производить "и хотение и действие по Своему благоволению".

Спустя несколько недель после того как в хижине саксонского горняка появился на свет Лютер, в домике пастуха, расположенном среди Альпийских гор, родился Ульрих Цвингли. Окружение, в котором рос Цвингли, и полученное им воспитание как нельзя лучше способствовали его приготовлению к будущей деятельности. Выросший среди величественной, прекрасной природы, он еще с детских лет проникнулся величием и всемогуществом Бога. Героические подвиги, некогда совершенные в родных горах мужественными людьми, воспламеняли юное воображение. Благочестивая мать рассказывала ему некоторые события библейской истории, самым старательным образом выбранные ею из бесчисленных церковных преданий и легенд. С живым интересом слушал он о великих подвигах патриархов и пророков, о палестинских пастухах, услышавших ангельскую весть о Младенце из Вифлеема, и о Муже Голгофы.

Отец Цвингли, подобно отцу Мартина Лютера, очень хотел, чтобы его сын получил образование, и в раннем возрасте мальчику пришлось расстаться с родными горами и долинами. Он быстро развивался, и вскоре в семье возник вопрос о серьезном образовании. Тринадцатилетнего мальчика отправили в Берн, в одну из лучших школ Швейцарии. Там, однако, его подстерегала опасность, чуть было не сокрушившая всю его жизнь, — монахи изо всех сил старались склонить Цвингли к поступлению в монастырь. Доминиканские и францисканские монашеские братства, соперничавшие между собой, стремились привлечь к себе как можно больше народа. Этой цели служили и богатое убранство храмов, и пышные религиозные обряды, и поклонение мощам, пользующимся общей известностью, и чудотворные иконы.

Доминиканцы Берна понимали — если удастся привлечь на свою сторону этого молодого талантливого студента, то к ним потекут и почести, и деньги. Энергия юности, выдающиеся ораторские способности, литературные, музыкальные и поэтические таланты скорее, чем показная пышность способствовали бы популярности ордена и, следовательно, увеличению его доходов. Хитростью и лестью монахи пытались соблазнить Цвингли поступить в их монастырь. В студенческие годы Лютер похоронил себя в монастырской келье, и он навсегда был бы потерян для мира, если бы не вмешательство Божественного провидения. Цвингли не следовало вступать на этот опасный путь. Замыслы монахов стали известны отцу юноши. Он совершенно не желал, чтобы его сын вел праздную и бесполезную монашескую жизнь. Понимая, что все будущее его сына поставлено под угрозу, он приказал ему немедленно возвратиться домой.

Цвингли повиновался, но оставаться в родном селении он уже не мог и вскоре отправился продолжать свои занятия в Базель. Там он впервые услыхал Благую Весть о благодати Божьей. Виттембах, преподававший древние языки, изучая греческий и еврейский, познакомился и со Священным Писанием, а уже через него Божественный свет был распространен и среди студенчества. Он внушал молодым людям, что есть истина, куда более древняя и возвышенная, чем учения философов и богословов. Эта древняя истина состоит в том, что только смерть Христа может искупить грехи грешника. Эти слова оказались для Цвингли первым лучом света, предшествующим наступлению зари.

Вскоре Цвингли оставил Базель, чтобы начать самостоятельную жизнь. Первым его поприщем стала церковь в Альпах, вблизи его родного селения. "После того как Цвингли принял сан священника, он безраздельно посвятил себя исследованию Божественной истины; ибо прекрасно понимал, — говорит один из его современников, — как много должен знать тот, кому доверили пасти стадо Христово". Чем больше он постигал Писание, тем отчетливее видел разницу между библейскими истинами и заблуждениями Рима. И он подчинил себя Библии как Слову Божьему — единственно верному и надежному руководству. Он видел, что эта Книга должна истолковать сама себя. Он не осмеливался искать в Писании подтверждения ранее сформулированным доктринам, а считал своим долгом сосредотачиваться на определенных, ясных истинах. Он не пренебрегал ничем, что помогало ему приобретать полное и правильное представление о значении библейских истин, и, уповая на помощь Святого Духа, говорил, что эта сила откроется всем ищущим ее с сердечной молитвой.

"Священное Писание, — говорил Цвингли, — дал нам Господь, а не человек, и Тот, Кто просвещает всех, поможет тебе понять все, от Него исходящее. Слово Божье... не останется непонятым, оно открывает себя людям, освещает душу всей полнотой

спасения и благодати, утешает ее в Господе и смиряет ее, так что, отрекаясь от себя, душа вполне предается Богу". Жизнь Цвингли подтвердила истинность этих слов. Впоследствии, рассказывая о пережитом в то время, он писал: "Когда я начал вполне доверяться Священному Писанию, тогда взбунтовались философия и схоластика, усвоенные мной прежде. Наконец я сказал: "Ты сам должен оставить всю эту ложь и следовать тому, чему учит Господь, руководствуясь только Его Словом". И я начал умолять Господа послать мне Свой свет, и с тех пор мне уже стало легче понимать Священное Писание".

Свое учение Цвингли заимствовал не от Лютера. Это было учение Христа. "Если Лютер проповедует о Христе, — говорил швейцарский реформатор, — он делает то же, что и я. Он привел ко Христу намного больше людей, чем удалось мне. Но это не имеет никакого значения. Я не желаю носить никакого другого имени, кроме имени Христа; я — его воин, и Он — мой единственный Наставник. Мы с Лютером ни разу не обменялись ни словом. Так выявилась целостность Духа Божьего, ведь нас двое, но мы не сговариваясь проповедуем учение Христа совершенно единодушно".

В 1516 году Цвингли пригласили на должность священника в Эйнзиделънский монастырь. Там ему предстояло столкнуться со всеми беззакониями Рима и стать реформатором, чья слава распространится далеко за пределы родных Альп. Среди святынь Эйнзидельна особой популярностью пользовалось изображение Девы Марии, которое, как говорили, обладало чудодейственной силой. Над воротами монастыря можно было прочитать слова: "Здесь человек находит полное прощение грехов". Не иссякал поток паломников, стекавшихся сюда, чтобы поклониться Деве Марии, но на ежегодный праздник освящения сюда приходили люди не только со всех концов Швейцарии, но даже из Франции и Германии. Глубоко обеспокоенный всем происходящим, Цвингли воспользовался возможностью объяснить этим ослепленным рабам суеверия, какую свободу дарует Евангелие.

"Не думайте, — сказал он, — что Бог пребывает больше в этом храме, чем в каком-либо другом месте. Где бы вы ни находились, Господь рядом с вами и слышит вас... Могут ли бессмысленные дела, долгие паломничества, жертвоприношения, иконы, взывание к Деве Марии или святым снискать для вас милость Божью?.. Какая польза от многословия наших молитв? Зачем нужны роскошное облачение, аккуратно подстриженные волосы, длинная одежда и расшитые золотом туфли?... Господь смотрит на сердце, а наши сердца далеки от Него. Христос, — говорил он, — Который однажды был распят на кресте, есть искупительная Жертва за грехи всех верующих в Него во все века".

Многим слушателям такие слова не понравились. Горько было слушать, что их изнурительное паломничество бессмысленно. Истины о прощении, предлагаемой им через жертву Христа, они не понимали. Путь к Царствию Небесному, указанный им Римом, вполне их устраивал, а трудности, сопряженные с поисками чего-то лучшего, — пугали. Гораздо легче было доверить заботу о своем спасении священникам и папе, нежели самим стремиться к чистоте сердца.

Но нашлись и другие, с радостью принявшие весть об искуплении грехов через Иисуса Христа. Обряды римской церкви не приносили душе желанного мира, и теперь люди с верой приняли кровь Спасителя как умилостивление за свои грехи. Они возвратились домой, чтобы и другим рассказать о полученном ими драгоценном свете. Истина распространялась из селения в селение, из города в город, а число паломников в храме Девы Марии значительно сократилось. Сократились и приношения, и, следовательно, уменьшился и доход самого Цвингли. Но это только радовало его, так как означало, что фанатизму и суеверию нанесен удар.

Церковное начальство не заблуждалось относительно деятельности Цвингли, но пока воздерживалось от вмешательства. Не теряя надежды привлечь его на свою сторону, они пытались купить его лестью. Тем временем истина все глубже проникала в сердца людей.

Работа Цвингли в Эйнзидельне приготовила его для более широкой деятельности, которую ему вскоре предстояло начать. После трехлетнего пребывания в Эйнзидельне ему предложили место священника в кафедральном соборе Цюриха. Это был один из самых значительных городов в Швейцарской Конфедерации, и отсюда влияние Цвингли должно было распространиться далеко за ее пределами. Однако лица, пригласившие Цвингли в Цюрих, опасались каких-либо новшеств и соответственно обозначили его обязанности.

"Ты не должен пренебрегать ничем, что только может способствовать увеличению доходов собора. Произнося проповедь с кафедры или принимая исповедь, ты должен наставлять верующих аккуратно платить все десятины и пошлины, чтобы они таким образом доказывали свою любовь к церкви. Ты обязан стараться умножать доходы от соборования больных, совершения месс и вообще от всякого церковного обряда. Что же касается причастия, проповеди и заботы о пастве, — добавили его наставники, — то это тоже входит в обязанности священника. Но их ты можешь возложить на кого-либо другого, особенно проповедь. Причастие ты должен совершать только для знатных лиц, и то лишь тогда, когда тебя позовут; ни в коем случае не следует причащать всех

подряд".

Цвингли молча выслушал эти наставления и поблагодарил за оказанную ему честь служить в таком важном месте, а затем изложил свои взгляды о предстоящей работе. "Жизнь Христа, — сказал он, — слишком долго сокрыта от народа. Я буду проповедовать по Евангелию от Матфея... руководствуясь только Священным Писанием, буду объяснять его глубину, сравнивая отдельные места, и в постоянной и горячей молитве просить о том, чтобы Господь вразумил меня. Я буду служить только во имя славы Господа, Его Единородного Сына и для настоящего спасения душ и назидания их в истинной вере". Некоторым священникам не понравились намерения Цвингли, и они пробовали разубедить его, но он остался непоколебим, отклонив все упреки в нововведениях и утверждая, что действует теми методами, которыми издавна пользовалась церковь.

Интерес к истинам, проповедуемым Цвингли, уже проявился; теперь еще больше людей приходило послушать его. Приходили даже те, кто уже давно перестал посещать богослужения. Цвингли начал свое служение с объяснения Евангелия. Он читал, объясняя народу вдохновенные события жизни и смерти Христа, Его учение. И здесь, как и в Эйнзидельне, он проповедовал Слово Божье как единственно непогрешимый авторитет и смерть Христа как единственную совершенную жертву. "Только ко Христу, — сказал он, — я желаю привести вас, ко Христу — истинному источнику спасения". Вокруг проповедника собирались люди всех сословий, начиная от государственных деятелей и ученых, и кончая ремесленниками и крестьянами. Все слушали его с глубоким интересом. Он не только говорил о предлагаемом каждому даре спасения, но и бесстрашно порицал развращенность своего времени. Многие, оставляя собор, славили Бога. "Этот человек, — говорили они, — проповедник истины. Он станет нашим Моисеем и выведет нас из мрака египетского плена".

Но, принятый вначале с таким энтузиазмом, Цвингли вскоре встретил сопротивление. Монахи решили положить конец его деятельности, осудив его учение. Одни насмехались над ним, другие угрожали и оскорбляли. Но Цвингли переносил все терпеливо, повторяя: "Если мы желаем обратить грешников ко Христу, то должны на многое закрыть глаза".

Как раз в то время дело Реформации получило неожиданную поддержку. Некто по имени Лукиан привез в Цюрих некоторые сочинения Лютера — он был послан из Базеля человеком, сочувствующим идеям Реформации и полагавшим, что продажа этих книг может послужить могучим средством распространения истины. "Реши сам, — писал он

Цвингли, — если мой посланец достаточно благоразумен, то пусть отправится к швейцарцам, из города в город, из деревни в деревню и даже из дома в дом с книгами Лютера, а особенно распространит объяснения молитвы Господней, написанной для обычных христиан. Чем больше людей будет знать об этом, тем больше экземпляров будет продано". Так свет проник в страну.

Когда Господь собирается разбить оковы невежества и суеверия, сатана начинает действовать активнее, чтобы погрузить людей в беспросветный мрак и сделать более прочными цепи греха. В то время как в различных странах появились люди, указывавшие народу возможность прощения и оправдания через кровь Христа, забеспокоился и Рим, с новым рвением вовлекая весь христианский мир в рыночные отношения, предлагая прощение за деньги.

Каждый грех имел свою определенную цену, и людям предоставлялась свобода совершать преступления, лишь бы только пополнялась церковная казна. Таким образом, возникли два движения: одно предлагало прощение грехов за деньги; другое предлагало прощение грехов через Христа. Рим дозволял грех и делал его источником своей наживы; реформаторы осуждали грех и указывали на Христа, как на жертву умилостивления и Искупителя.

В Германии продажа индульгенций была поручена доминиканскому ордену и осуществлялась под руководством бесчестного Тецеля. В Швейцарии эта торговля находилась в руках францисканского ордена и возглавлялась Самсоном, одним из итальянских монахов. Самсон уже сослужил добрую службу церкви, собрав в Германии и Швейцарии огромные суммы денег для папской казны. Теперь он ездил по всей Швейцарии, привлекая к себе огромные толпы людей, обирая бедных крестьян и получая богатые дары от богачей. Но влияние реформы уже ощущалось и здесь, хотя торговля индульгенциями продолжалась. Цвингли был еще в Эйнзидельне, когда Самсон появился в соседнем городе со своим "товаром". Как только реформатору сообщили об этом, он мгновенно начал действовать. Им не довелось встретиться, но Цвингли столь успешно разоблачал Самсона, что тот счел за лучшее убраться подальше.

В Цюрихе Цвингли продолжал ревностно выступать против торговли индульгенциями, и когда Самсон приблизился и к этому городу, горожане предложили ему не переступать городской черты. Он попытался действовать с помощью всевозможных уловок, но вынужден был повернуть назад, не продав ни одной индульгенции, и вскоре совсем оставил пределы Швейцарии.

Особенный размах приобрела Реформация в 1519 году, когда вся Швейцария была поражена эпидемией чумы, которую называли черной смертью. Столкнувшись лицом к лицу со смертью, многие осознали, как ничтожны и бесполезны жалкие листочки об отпущении грехов, купленные ими. Душа жаждала твердого основания для своей веры. Цвингли не избежал ужасной болезни. Его состояние было настолько тяжелым и безнадежным, что распространился слух о его смерти. Но и в час испытания надежда и мужество не покинули реформатора. Он с верой взирал на Голгофский крест, во всем полагаясь на искупительную жертву Христа. Вырвавшись из объятий смерти, он принялся еще пламеннее проповедовать Евангелие, слова его звучали с необычайной силой. Народ радостно приветствовал своего любимого учителя, который уже побывал на краю могилы. Выхаживая больных и заботясь об умирающих, они, как никогда раньше, сознавали цену Евангелия.

Изучая Священное Писание, Цвингли еще глубже начал постигать истину, заключенную в нем, и с еще большей полнотой пережил возрождающую силу этой истины. Грехопадение человека и план искупления — вот темы, к которым он неизменно обращался. "В Адаме, — говорил он, — мы все умираем под тяжестью своих беззаконий. Христос навечно искупил нас... Его страдания... это вечная жертва, принесенная ради искупления и удовлетворяющая Божественную справедливость во имя тех, кто с твердой и несокрушимой верой уповает на нее". Вместе с тем Цвингли подчеркивал, что благодать Божья не дает людям права грешить: "Где есть вера в Бога, там есть и Бог; где есть Бог, там есть и горячее желание делать добрые дела".

Интерес к проповедям Цвингли был настолько велик, что огромный собор не мог вместить всех желающих послушать его. Он открывал людям истину постепенно, не ошеломляя сразу своих слушателей. Вначале он тщательно следил за тем, чтобы не затронуть вопросов, которые могли вызвать страх и возбудить предрассудки. Его делом было расположить сердца людей к истине Христовой; смягчить их Его любовью и воодушевить Его примером. А как только они принимали евангельские принципы, то все их суеверия и предрассудки исчезали сами собой.

Постепенно идеи Реформации распространялись в Цюрихе. Встревоженные противники объединились, чтобы дать должный отпор. Всего год прошел с тех пор, как в Вормсе виттенбергский монах ответил "нет" папе и императору, и теперь в Цюрихе все готовы заявить свое решительное "нет" папским требованиям. Нападки на Цвингли не прекращались. В папских кантонах время от времени сжигали на кострах учеников Евангелия, но и это казалось недостаточным: нужно было заставить замолчать самого учителя ереси. Констанцский епископ послал трех представителей в совет Цюриха,

обвиняя Цвингли в распространении учений, подстрекающих народ нарушать церковные законы и угрожающих таким образом покою и благоденствию всего общества. Если же авторитет церкви поколеблется, — говорилось дальше, — то это приведет к полной анархии. Цвингли ответил, что в течении четырех лет он проповедовал Евангелие в Цюрихе, "который был одним из самых спокойных и мирных городов в конфедерации. Разве из этого не следует, — сказал он, — что Евангелие является наилучшим залогом всеобщей безопасности?"

Посланцы епископа убеждали членов совета в том, что без церкви нет спасения. Цвингли ответил: "Пусть это обвинение не пугает вас. Основание церкви — та же Скала и Тот же Христос, Который дал Симону имя Петра, потому что он верно исповедовал Его. Во всяком народе любой человек, который от всего сердца верит в Иисуса, принимается Богом. Воистину это и есть церковь, без которой нет спасения". И в результате этого совещания один из представителей епископа принял реформаторскую веру.

Совет отказался предпринимать какие бы то ни было меры против Цвингли, и Рим приготовился к очередной атаке. Извещенный о замыслах своих врагов, реформатор воскликнул: "Пусть они делают свое дело, я боюсь их так же, как нависшая над морем скала боится волн, разбивающихся о нее". Старания папистов способствовали лишь дальнейшему продвижению Реформации. Истина продолжала распространяться. Приверженцы Реформации в Германии, опечаленные исчезновением Лютера, видя успех своего дела в Швейцарии, вновь воспряли духом и ободрились.

По мере развития идей Реформации в Цюрихе произошли заметные перемены в жизни людей: сократилось количество преступлений, в обществе воцарились гармония и порядок. "Мир поселился в нашем городе, — писал Цвингли, — здесь нет ссор, лицемерия, зависти и раздоров. Откуда может прийти подобное согласие, как не от Господа и нашего учения, дарующего нам мир и благочестие?"

Победы, одержанные Реформацией, заставили папистов с еще большей энергией и ожесточением приняться за уничтожение ее. Видя, как мало удалось добиться преследованием Лютера в Германии, они решили победить реформаторов их собственным оружием. Было решено устроить диспут и пригласить на него Цвингли, заранее обеспечив победу папистов на диспуте правильным выбором и места его проведения, и судей. О, только бы удалось заманить Цвингли к себе, тогда они ни за что не выпустили бы его из своих рук. Они рассуждали так: если удастся заставить замолчать руководителя, то движение быстро потерпит крах. Однако это намерение

тщательно скрывали.

Диспут был назначен в Бадене, но Цвингли не появился на нем. Совет города Цюриха, догадываясь о коварных замыслах папистов и помня о кострах, на которых паписты сжигали вестников Евангелия, не разрешил своему пастору подвергать себя опасности. В Цюрихе он готов был встретиться с любым представителем Рима, но ехать в Баден, где только что пролилась кровь мучеников за истину, означало идти на верную смерть. Интересы Реформации защищали Эколампадиус и Халлер, а римское духовенство представляли известный доктор Эккен с целой свитой ученых и прелатов.

Хотя Цвингли и не присутствовал на диспуте, но его влияние ощущалось там. Паписты сами назначали секретарей, а всем остальным было запрещено вести записи под угрозой смерти. Но, несмотря на это, Цвингли ежедневно получал точный доклад обо всем происходящем в Бадене. Один из студентов, присутствовавших на диспуте, каждый вечер записывал все происходящее в течение дня. Двое других доставляли эти записи и письма Эколампадиуса в Цюрих. В ответных посланиях реформатор высказывал свои предположения и давал советы. Ответы он писал ночью, а утром студенты уже возвращались в Баден. Чтобы не вызвать подозрения у стражи, стоящей у городских ворот, они носили на голове корзины с домашней птицей, беспрепятственно проникая в город.

Так боролся Цвингли со своими коварными врагами. "Размышляя бессонными ночами, отправляя послания в Баден, — говорил Мукониус, — он сделал больше, чем если бы лично встретился со своими врагами".

Паписты, празднуя преждевременную победу, прибыли в Баден в роскошных одеяниях, украшенных драгоценностями. Они окружили себя роскошью, питались самыми изысканными блюдами и пили самые тонкие вина, облегчая бремя духовных обязанностей пирами и различными удовольствиями. Как же не походили на них реформаторы, которые в глазах народа немногим отличались от нищих! Скромная еда отнимала у них очень мало времени. Хозяин дома, где остановился Эколампадиус, заглядывая к нему в комнату, всегда заставал его за чтением или за молитвой. Немало изумляясь, он вынужден был признать, "что этот еретик — очень благочестивый человек".

Во время диспута Эккен, исполненный высокомерия, взошел на великолепно

украшенную кафедру, в то время как скромный Эколампадиус занял отведенное ему место напротив своего противника, на грубо отесанной скамье. Громкий голос и безграничная самоуверенность никогда не изменяли Эккену. А блеск золота и славы еще более воодушевляли его — разве могло случиться, чтобы защитник веры не получил щедрого вознаграждения? Когда же, наконец, иссяк поток его красноречивых доказательств, он прибегнул к оскорблениям и даже проклятиям.

Скромный и доверяющий своим силам Эколампадиус избегал спора и начал с торжественного признания: "Я не признаю никакого другого мерила, кроме Слова Божьего". Очень застенчивый и кроткий, он тем не менее проявил непреклонность и ум. В то время как римское духовенство, по своему обыкновению, ссылалось на авторитет традиций церкви, реформатор твердо придерживался Священного Писания. "Традиция, — сказал он, — не имеет силы в Швейцарии, только она не закреплена в конституции, а что касается вопросов веры, то здесь нашей конституцией является Библия".

Бросавшаяся в глаза разница между участниками диспута не осталась незамеченной. Ясные и определенные доводы реформатора, высказанные так мягко и скромно, привели к тому, что народ с отвращением отвернулся от хвастливых и гневных тирад Эккена.

Диспут продолжался восемнадцать дней. После его окончания паписты самонадеянно объявили, чтобы победа осталась на их стороне. Большинство депутатов поддержали Рим, сейм, признав реформаторов побежденными, постановил, что они вместе с Цвингли отлучаются от церкви. Но впоследствии стало ясно, кто прав. Диспут послужил сильным толчком в распространении протестантизма, и через самое короткое время такие центральные города, как Базель и Берн, перешли на сторону Реформации.